

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

Формула
влияния

МОСКВА
2 0 1 6

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Зорина, Надежда.

3-86 **Формула влияния / Надежда и Николай Зорины.** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Игры чужого разума. Остросюжетные романы Н. и Н. Зоринных).

ISBN 978-5-699-91221-6

Журналистка Анна Дубровина после интервью с крупным бизнесменом получила от него диск с тремя видеосюжетами. В первом люди в панике пытаются купить шубу в жаркий летний день. Во втором пожилой мужчина разбивает витрину, выхватывает из нее зонтик и в ярости его уничтожает. В третьем зрители на рок-концерте внезапно набрасываются на музыкантов. Камера выхватывает лицо человека, хладнокровно наблюдающего за обезумевшей толпой... Анна попыталась дозвониться до бизнесмена, но оказалось, что он погиб через пару часов после их беседы. Тогда она взялась за журналистское расследование, и в конце концов ей удалось разыскать Наблюдателя из третьего сюжета. Анна назначила встречу, чтобы вывести его на чистую воду и потребовать прекратить преступные эксперименты над людьми. Но эта встреча неожиданно превратилась в романтический ужин...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91221-6

© **Зорина Н., Зорин Н., 2016**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2016

П р о л о г

Вот уже несколько дней он знал, что его могут убить. Он столько раз представлял себе, как это произойдет, что совсем перестал бояться смерти. Он просчитал все обстоятельства, все места, где может произойти убийство, и старался избегать их, он был подготовлен. И все же смерть застала его врасплох.

Ни место, ни время суток не соответствовали его представлениям, да и сам облик смерти оказался нелепым и страшным. Она его перехитрила, переиграла.

В школе, где он работал почти всю свою жизнь, он чувствовал себя в безопасности — смерть оставалась за воротами и терпеливо его дожидалась, не рискуя войти вслед за ним в школьный двор. Здесь ей было не по себе — столько света, шума и жизни... Да и охранника у дверей, этого привратника в царство живых, не стоило сбрасывать со счетов. Даже сейчас, когда закончился учебный год и бдительность охранника несколько притупилась, школа все равно оставалась самым безопасным местом, абсолютно неподходящим для убийства.

В понедельник, в восемь пятнадцать, он, как обычно, вошел в кабинет директора. И тут на месте человека, хорошо ему знакомого, почти родного, увидел убийцу. Это было так невозможно, что в первый момент он даже не поверил очевидному. Убийца направил на него пистолет и прицелился. Он в ответ растерянно улыбнулся, продолжая не верить. По коридору прошли быстрые шаги, за окном шумело летнее утро. Как просто позвать на помощь, как невозможно вот так умереть. Невидимая синичка где-то на дереве в школьном дворе выводила первый такт «К Элизе», да все сбивалась, дальше продвинуться не могла и начинала сначала. Убийца выстрелил — плечо взорвалось болью, но смерть с разбегу промахнула мимо. Падая, он ударился затылком о край стола и подумал, что ведь в его убийстве обвинят невинного человека. В школьном дворе запустили петарду. И тут, словно эхо, прозвучал второй выстрел. Боль затопила его, боль была такой невыносимой, что на какой-то момент вытеснила остальные ощущения: удивление, страх, отчаянье. Свет резал глаза. Такой пронзительный, такой мучительно бессмысленный. От него невозможно укрыться, невозможно сбежать. Человек, затерявшийся в лабиринте боли и света.

Когда боль немного утихла, а свет наконец погас, он попытался вспомнить, что с ним случилось и почему он сейчас умирает. Но из тех несвязных обрывков воспоминаний не составлялось единой картины. Было чудесное горное озеро, и была женщина, которую он любил, и было что-то еще... А потом прогремел выстрел.

Озеро, женщина, выстрел. Он должен спасти невинного, он должен все объяснить. А потом встретиться с той, которую так любил, на берегу этого сказочного озера. Вот в чем состоит смысл его смерти — встретиться с ней.

Он открыл глаза и увидел, что стоит на вершине горы, вниз, к озеру, спускается тропинка — по ней и нужно идти. Но сначала...

Боль разрасталась, мысли путались. И потому, когда он увидел Полину, слепую ясновидящую девушку, не сразу смог вспомнить, о чем хотел ей сказать. Он только знал, что она поможет, возьмет на себя его тяжелый груз, погасит последний счет жизни, и тогда, освободившись, он наконец встретится со своей любимой. Но что он должен сказать?..

Ах, да! Оправдать.

— Он не убийца, — медленно проговорил мужчина. Оказалось, что слова ему уже почти не даются, а имени невинного он вообще вспомнить не смог.

— Его обвинят, но не он убийца. Все выглядит, будто... — предпринял он новую попытку, но так и не смог закончить. Мысль его окончательно запуталась, время вышло. Он пытался еще что-то сказать, судорожно подыскивая нужные слова, но тут прогремел новый выстрел.

Девушку-ясновидящую заволокло туманом, а еще через мгновение она совсем пропала. Но он понял, что она поможет, что она узнает правду.

Вздохнув с облегчением, он повернулся и пошел вниз по тропинке к берегу озера. Теперь он знал, что обязательно встретит ту, которую так любил.

Глава 1

Выстрел прозвучал оглушительно громко, будто пистолет приставили к виску. Темнота, в которой она пребывала, рассеялась, и Полина увидела человека с искаженным болью лицом. Он смотрел на нее с надеждой, он силился что-то сказать, но мысли путались, слова не давались.

— Он не убийца, — медленно, с трудом, словно разбитым ртом, наконец произнес мужчина. — Его обвинят, но не он убийца. Все выглядит, будто...

Мысль его окончательно сбивается, уходит, он хочет что-то еще сказать, но вдруг раздается новый выстрел, такой же оглушительно громкий, как первый. Глаза мужчины завлакивает смертная муть, он больше не видит Полину, не слышит и ни на что не надеется. Он ушел окончательно, все, что осталось в жизни, его больше не касается.

Возвращается темнота, ставшая для Полины давно привычной. Она слышит, как Виктор, ее муж, размешивает сахар в чашке кофе.

— Твое молчание расценивается как согласие, — будничным утренним голосом говорит он. — Итак, решено, едем в Анталию!

Кажется, он ничего не заметил. Или сделал вид? Как жаль, что она не может увидеть его лица.

— Отличные пляжи, море, солнце. В начале июня там еще не слишком жарко, — продолжает Виктор расписывать прелести турецкого отдыха. Его бодрый голос ненарочито бодр, его энтузиазм естественен. Да, не заметил. И хорошо. Полина не хочет рассказывать о том, что только что видела. Ее видение оказалось совершенно бессмысленным — Полина не смогла помочь этому человеку, не смогла спасти. Так зачем же расстраивать Виктора? Но надо как-то поддержать разговор. Спросить о чем-нибудь нейтральном таким же естественно бодрым голосом.

— Который час? — спрашивает Полина — слова даются с трудом, язык еле-еле ворочается, совсем как у того, которого она не смогла спасти.

— Восемь двадцать, — все так же бодро, не замечая ее косноязычности, отвечает Виктор. — У нас еще куча времени. Успеем заскочить в турагентство перед работой.

— В турагентство? — рассеянно переспрашивает Полина, совершенно забыв, о чем они говорили до того, как возникло видение. Возвращение в реальность происходит не сразу. Но наконец она вспоминает, что через неделю они собирались отправиться в отпуск. — Нет, давай не сегодня.

— Почему?— обиженно спрашивает Виктор. — Мы же договаривались... мы же собирались... Зачем же было вставать в такую рань?

Она чувствует, что он смотрит на нее в упор, старается придать своему лицу нейтральное выражение, но мышцы сводит, ничего не получается.

— Что-то случилось? — настораживается Виктор. — Ты что-то...

— Нет! — сердито отвечает Полина, окончательно провалив свою роль.

Виктор, расстроенный, уходит в комнату. А она остается на кухне, делая вид — больше перед собой, — что у нее здесь куча дел. Моет посуду (две чашки от кофе), протирает плиту (губка издает предательский «скрип чистоты», уличая в обмане), запускает стирку... Но любое, самое простое действие вызывает ненужные ассоциации. В навязчивом видении, от которого невозможно избавиться, ей снова и снова является человек, которого не удалось спасти. Все произошло слишком быстро. Она даже не успела узнать, как его зовут, ничего не успела! Его искаженное болью лицо стоит перед глазами, его голос звучит, не отпускает: «Он не убийца. Его обвинят, но он не убийца...» О ком говорил этот человек, что имел в виду? Он смотрел на нее с такой надеждой, а она ничем помочь ему не смогла. Зачем же тогда возникло это бесполезное видение?

Иногда свой дар Полина воспринимала как проклятие.

Способность видеть людей между жизнью и смертью, проникать в их мысли и сны пришла к ней года два назад, после страшной аварии, в которую она попала. Потеряла зрение и обрела этот странный дар, в котором не сразу смогла разобраться. Сначала Полине казалось, что это что-то вроде галлюцинаций, фантомных обрывков утраченной способности видеть. Как человек, которому ампутировали ногу, временами ощущает боль в своей несуществующей конечности, так и она видит то, что видеть в принципе не может. Но потом поняла, что ее видения совсем из другой области. И только спустя довольно долгое время научилась применять свой дар к делу, смогла им «пользоваться».

У Полины и Виктора было свое частное детективное агентство. Раскрыть мотивы преступника, воспроизвести картину случившегося часто удавалась именно благодаря дару Полины. Несколько раз они буквально спасали людей в коме, о месте нахождения которых никто не знал. Собственно, эти люди сами обращались к Полине за помощью через видения. Но сегодня был явно не тот случай. Сегодняшнее видение казалось Полине абсолютно бесполезным: она не спасла этого человека, да и не могла бы спасти — второй, смертельный, выстрел последовал почти сразу за первым. А вернее, не так, поняла вдруг Полина: было три выстрела. Первый она услышать вообще не могла, потому что ощущать, видеть и слышать этого человека стала только после того, как он был тяжело ранен. Первым выстрелом.

Хозяйственные дела на кухне совсем не смогли ее отвлечь. Стерев напоследок несуществующую пыль с поверхностей, Полина пошла в комнату.

Виктор смотрел телевизор, местный канал «Новостей» — она узнала голос репортера.

— О чем идет речь? — спросила Полина, придавая своему тону беззаботность.

— Тише! — прикрикнул на нее всегда такой деликатный, такой вежливый Виктор.

Обидевшись, она села в кресло в другом конце комнаты, подальше от мужа, и попыталась понять, что его могло до такой степени заинтересовать в местных новостях. Но так как начало репортажа не слышала, понять было трудно. Речь шла о какой-то школе, почему-то ее оцепили полицейские.

— Неужели теракт? — не выдержала Полина, забыв, что решила не разговаривать с мужем.

— Подожди! — снова прикрикнул на нее Виктор.

Нет, теракт вряд ли. Сегодня 2 июня, занятия закончились. Кому придет в голову устраивать теракт в практически пустой школе? Что же тогда?

«Новости» завершились, Виктор выключил телевизор. Полина повернулась к нему и ждала объяснений, но он почему-то молчал.

— Ну, так что там? — снова не выдержала она. — Что случилось?

— Совершенно невозможная вещь! — проговорил Виктор, скорее, отвечая на свои мысли, чем на ее вопрос. — Убили учителя информатики. Прямо в школе в кабинете директора. В убийстве подозревают

Хавронина... В это невозможно поверить! Да этого просто не может быть! Чудовищное подозрение, а у полиции, кажется, и сомнений в его виновности никаких.

— Подозревают Хавронина? — переспросила Полина, припоминая, где и когда уже слышала эту фамилию. Ею овладело то смешанное чувство тревоги, удовлетворения и чего-то еще, сродни вдохновенью, которое возникало каждый раз, когда видения начинали подтверждаться.

— Да, это директор школы, в которой я учился и где сегодня произошло убийство.

— Ах, ну конечно! Вспомнила. Владимир Тимофеевич Хавронин. Месяца три назад мы его встретили на улице, он был с женой... Так это его обвиняют в убийстве? Странно.

— Не странно, а просто чудовищно! Владимир Тимофеевич — прекрасный человек, спокойный, абсолютно уравновешенный, он даже голоса никогда ни на кого повесить не мог... Его все любили. Кандидат физических наук, умный, интеллигентный. Он по определению не может быть убийцей. А они говорят такие вещи, что слушать противно. Видите ли, Владимир Тимофеевич убил учителя информатики, застрелил прямо в своем кабинете. Чушь какая! Да у него и пистолета никакого не могло быть. Это просто не вяжется с обликом Хавронина, он...

— Он не убийца, — подхватила Полина, — этот человек мне так и сказал, что обвинят не того, кто в него выстрелил. Все правильно, все сходится.

— Что сходится? — Голос Виктора стал напряженным. — Ты что-то видела?

— Может быть. Во сколько произошло убийство?

— В восемь семнадцать.

— Ну да, и время совпадает. Было три выстрела?

— Три. Но почему ты мне ничего не сказала?

— Как выглядел этот учитель? — проигнорировав его вопрос, спросила Полина.

— Не знаю. Он пришел в эту школу уже после того, как я ее окончил. А в «Новостях» его не показали. Только Хавронина, охранника и секретаршу из всего коллектива школы. Но этих двоих я тоже не знаю. Секретарша и обнаружила убитого. Она сегодня опоздала на работу. Я так и не понял почему — лопотала что-то невразумительное. Пришла, мол, в половине девятого, вошла в кабинет директора, а там убитый Федор Ривилис — учитель информатики. А директора нашли в школьном дворе, сидел на скамейке в невменяемом состоянии, ни на какие вопросы не отвечал. Пистолет на столе в кабинете лежал. Получается, Владимир Тимофеевич убил этого Ривилиса, положил пистолет на стол и пошел себе подышать свежим воздухом. — Виктор поднялся, открыл окно, наверное, ему самому стало душно — подсознательная ассоциация. — Подозрительна мне эта секретарша, — снова заговорил он через минуту. — И охранник тоже подозрителен. Он слышал выстрелы, но, говорит, не придал им в тот момент значения, подумал, детишки петарды пускают. Они, мол, все утро их пускали в школьном дворе.

И на часы посмотрел — благодаря его показаниям и установили точное время убийства — 8:17. Ерунда! Не мог охранник, человек, знакомый с оружием, принять выстрелы за разрывы петард. Я займусь этим делом, Хавронина просто грубо подставили. Ты мне поможешь, Полина?

— Конечно, помогу, — она немного помолчала. — Судя по всему, я видела этого учителя, Ривилиса. Сегодня утром, когда мы завтракали. Он не сразу умер, жил еще несколько минут, потому-то я и смогла его увидеть. Он сказал, что человек, которого обвинят в убийстве, — на самом деле не виноват. Наверное, имел в виду Хавронина.

— А кто в него выстрелил, не сказал?

— Нет.

— Странно это все, — задумчиво проговорил Виктор. — Очень странно. Откуда Ривилис мог знать, что обвинят не того, кто в него стрелял? И почему не назвал убийцу?

— Ну, не все так просто, — стала объяснять Полина, сердясь на то, что он не понимает таких очевидных вещей. — Умиравший не может четко и ясно выражать свои мысли. Да и времени было мало.

— Но что может быть проще, чем назвать имя убийцы? — тоже слегка недовольно возразил Виктор. — Зачем тут какие-то сложные логические построения? Можно просто сказать: стрелял в меня тот-то. Я думаю, здесь дело в чем-то другом.

— В чем в другом?

— Не знаю пока. Но мне кажется, если мы сможем это понять, выйдем и на убийцу. Возможно, Ривилис